

Предоставление издательством в мое распоряжение итал[ьянского] и англ[ийского] переводов, мне иначе не доступных, является одним из основных условий успешности и быстроты работы, как я уже писал об этом в издательство.

С совершенным уважением

В. Бенешевич

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 139.

Черновик, на оборотной стороне письма
издательства от 2 января 1935 г.

18. Редакционный Совет — В.Н. Бенешевичу

20 января 1935

Уважаемый Владимир Николаевич,

Подписанный Вами договор на редакцию перевода, статью и примечаний к Прокопию мы получили. Договор этот, согласно Вашему письму, вступит в силу только тогда, когда будут получены из-за границы выписанные итальянск[ий] и англ[ийский] переводы Прокопия.

Секретарь Редсектора Л. Ческис

ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 138.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства
"Academia". Помета Бенешевича:
"Получ. 23/1 35".

К НАУЧНОМУ НАСЛЕДИЮ В.Е. ВАЛЬДЕНБЕРГА

(Публикацию подготовил С.А. Иванов)

Владимир Евграфович Вальденберг родился 23 декабря 1871 г. В 1896 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Университета, где специализировался по истории философии права; одновременно он слушал курсы и на историко-филологическом факультете. В 1894 г. Вальденберг оставлен при кафедре и в 1900 г. защитил диссертацию "Законы и право в философии Гоббса". С 1901 г. он был приват-доцентом Санкт-Петербургского Университета, с 18-го по 24-й год заведовал университетским архивом, с 24-го по 28-й — был Ученым секретарем БАН. В 1928 г. Вальденберга арестовали, но времена были еще "аркадские" — и в 34-м он опять возобновил занятия в Библиотеке АН¹. Умер Вальденберг в 1941 г. в Ленинграде.

В Е. Вальденберг получил известность как специалист по истории политических учений и до революции 1917 г. Византией не интересовался. Однако потом, как пишет он в своей автобиографии, "обратившись с целью лучшего освещения русских политических учений к византийской литературе, я постепенно сделал ее предметом своих особых занятий"². Статьи Вальденберга о политических воззрениях Фемистия, Петра Патрикия, Агапита, Никулицы, Акрополита,

¹ ЛО ААН. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 44 Лл 2-3.

² Там же. Л. 5.

Прокопия из Газы, Менандра (и опубликованная уже после его смерти статья о Пселле) снискали ему репутацию крупнейшего специалиста в области византийской политической философии³ Но все эти статьи суть лишь главы колоссальной монографии "История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и государственного устройства"⁴, которая, к сожалению, так и осталась неопубликованной.

Вот как выглядит оглавление этого труда: ВВЕДЕНИЕ: 1. Об изучении византийской политической литературы; 2. Общий взгляд на развитие философских идей в Византии; 3. Связь политической литературы с государственным строем. ГЛАВА I. РАННИЙ ВИЗАНТИНИЗМ IV—V вв.: 1. Философские направления (Дионисий Ареопагит, Немесий, Эней Газский); 2. Фемистий; 3. Синезий. ГЛАВА II. ДО ИСАВРИЙСКОЙ ДИНАСТИИ (717 г.) VI—VII вв.: 1. Философские направления (Леонтий Византийский, Иоанн Филопон, Максим Исповедник); 2. Законодательство и наука права; 3. Прокопий Газский; 4. Агапит, Георгий Пизиды; 5. Петр Патрикий; 6. Менандр; 7. Анастасий Синаит. ГЛАВА III. ДО ИОАННА ЦИМИСХИЯ (976). VIII—X вв.: 1. Философские направления. Иоанн Дамаскин; 2. Законодательство и наука права; 3. Патриарх Фотий; 4. Василий Македонянин; 5. Константин Багрянородный. ГЛАВА IV. ДО ДИНАСТИИ ПАЛЕОЛОГОВ (1261). XI—XIII вв.: 1. Философские направления (Пселл, Итал, Евстратий, Влеммид, Федор Ласкар); 2. Законодательство и наука права; 3. Никулица; 4. Пселл; 5. Феофилакт Болгарский; 6. Евстафий Солунский и его время (Михаил Ритор, Георгий Торник, Сергей Колива); 7. Никифор Влеммид; 8. Иоанн Акоминат и Георгий Акрополит. ГЛАВА V. ВРЕМЯ ПАЛЕОЛОГОВ (1261—1453): 1. Философские направления (Хумн, Иосиф, Холобол, Пахимер, Акиндин, Палама, Кидонис, Григора, Метохит, Кавасил, Плитон); 2. Наука права; 3. Феодор Метохит; 4. Фома Магистр; 5. Мануил Палеолог; 6. Георгий Плитон; 7. Политическая риторика (Георгий Кипрский, Федор Хиртакин, Никифор Хумн, Дмитрий Кидон).

Монография не утратила научной актуальности еще и сегодня. Ниже публикуется одна из глав этого труда, но прежде следует сказать несколько слов о том, что привело Вальденберга к занятиям Византией. Древняя империя так захватила его потому, что он усмотрел в ней прообраз того политического устройства, которое хотел видеть в СССР и которое назвал "народной монархией". Свое представление об этом строе Вальденберг развил в другой, также неопубликованной работе "Государственное устройство Византии до конца VII в."⁵ "Византия — монархия демократическая, видящая свое основание в власти народа"⁶; "Даже если допустить, что не всегда исход дела зависел фактически от населения, все-таки нельзя отрицать того, что выступление представителей населения с речами и возгласами символизировало его активное участие, т.е. что с правовой точки зрения это участие ... считалось необходимым"⁷; народ обращался к правителю с наказами, "имевшими для императора если не юридическую, то во всяком случае нравственную обязательность"⁸; "мы можем говорить о самоограничении императорской власти в Византии"⁹; "в основу деятельности государства кладется промышление о подданных, забота о них;... все это ... кдало известный отпечаток на власть, на ее отношение к народу, сообщило тому и другому определенный характер... Это укрепляет за нее (Византией) характер *народной* или демократической монархии"¹⁰. Что все эти построения были навеяны мыслями о современности, доказывается сохранившейся в архиве Вальденберга копией письма, которое он послал властям. В нем исследователь утверждает: "Пример... Юстиниана и Василия II в Византии, Ивана Грозного и других, которые боролись с эксплуататорскими стремлениями высших классов", доказывает, что "народная монархия не есть только мечта, но при благоприятных обстоятельствах может стать действительностью"¹¹.

Но при всем этом Вальденберг не был конъюнктурщиком — например, ему дважды предлагали баллотироваться членом-корреспондентом АН, но он "оба раза отказывался... как человек вполне цельного характера, он считал возможным быть в составе только такой организации, основные принципы которой он всецело разделяет"¹²; да и в цитированном послании он без экивоков заявляет: "многое в политике советской власти я не одобряю"¹³. Чтобы написать такое

³ См.: Вуз. 1924. Т. 1. Р. 727; 1929. Т. 4. Р. 500.

⁴ ЛО ААН. Ф. 346. Оп. 1. Ед.хр. 1. Рукопись, 1140 с. Лишь ничтожная часть этого материала была опубликована в виде статей.

⁵ Там же. Оп. 1. Ед.хр. 2, 74 л.

⁶ Там же. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 42-42 об.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 56.

¹⁰ Там же. Л. 60-61. Ср. Л. 74.

¹¹ Там же. Ф. 345 Оп. 1. Ед.хр. 44. Л. 11 — написано 2 марта 1929 г.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 11.

после ареста, пусть и недолгого, требовалась недюжинная храбрость. Но еще важнее другое: письмо властям никоим образом не соответствовало тогдашней идеологической установке — самому-то Сталину лишь через десять лет предстояло вспомнить про Ивана Грозного; только к концу 30-х годов византийская топка стала осторожно осваиваться кремлевскими идеологами, так что Вальденберг не дожид до "народной монархии" во всем ее блеске.

В.Е. Вальденберг

АНАСТАСИЙ СИНАИТ (VI—VII вв.)¹

Из числа писателей VI—VII вв., которые в своих сочинениях касались вопросов нравственной и политической философии, заслуживает упоминания Анастасий Синаит. Вопрос, когда он жил и какие ему следует приписывать произведения, затрудняется тем, что было два Анастасия, которые носили одно и то же прозвище. Один из них жил во времена Юстиниана и с 559 г. был патриархом Антиохии. Он выступал против монофизитов, с 570 г. был в ссылке и умер в 599 г. Другой Анастасий жил в VII в., носил еще прозвище "новый Моисей" и также занимал кафедру в Антиохии с 677 по 686 г. По мнению Фабрици, обширное литературное наследие, обычно соединяемое с именем Анастасия, принадлежит второму из этих лиц². В этом наследии едва ли не самым главным является *ὁδηγός* ("Путеводитель жизни"), направленный против монофизитов. Для характеристики нравственных и политических воззрений Анастасия Синаита особенно важно другое сочинение, известное под названием "Вопросы и ответы" (*Ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις*), в котором автор проявляет не слишком обычную для Византии смелость.

В области нравственной Анастасий, правда, особой оригинальности не показывает. Он ставит, например, вопрос: если с кем-нибудь случается несчастье, если кто-нибудь становится жертвой стихийных сил природы — можно ли считать, что это происходит всегда по велению Божию для наказания данного лица? Анастасий отвечает утвердительно. Пути Господни неисповедимы. Даже праведников часто настигает насильственная смерть или другое несчастье — по особому, скрытому от нас суду Божию³. Во всяком случае, он решительно восстает против признания судьбы как какой-то силы, действующей наряду с Богом и от него независимой. Христианину, говорит он, совершенно непозволительно верить в судьбу⁴.

Анастасий ставит также любопытный вопрос, насколько личные интересы и заботы века сего совместимы с исполнением нравственных заповедей. Многочисленными ссылками на книги Ветхого Завета и апостольские послания он доказывает, что семейная жизнь и вообще жизнь мирская не мешают исполнять все требования христианства. Ветхозаветные патриархи, говорит Анастасий, угодили Богу⁵... своими детьми. Не мешает также благочестивой

¹ ЛО ААН. Ф. 7346. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 223-225 об.

² Bibl. graec. Т. X. P. 541. Ср.: *Krumbacher*. 56-60, 64-66.

³ Вопрос 18: PG. 89. Col. 499-514.

⁴ Col. 513-518.

⁵ Вопрос 15. Col. 468.

жизни материальный достаток и даже богатство. Нужно только, чтобы они были добыты праведными путями (πλοῦτος ὃ μὴ ἔστιν ἀμαρτία). Этот вопрос и его решение сами собой приводили к очень важной теме о сравнительной оценке монашеской и мирской жизни. Но Анастасий так далеко не идет. Зато он ставит вопрос о возможности общественной жизни; правда не прямо, а путем обсуждения евангельской заповеди "не судите, да судимы не будете". Если бы Анастасий придавал этим словам безусловное значение, то есть понимал бы их так, что никто ни при каких обстоятельствах не должен никого судить, то этим самым он пришел бы к отрицанию общественной жизни, которая без суда невозможна. Но именно такого прямолинейного понимания заповеди у Анастасия нет. Он находит, что она вовсе никому не запрещает судить, а только требует, чтобы нам при этом были известны все обстоятельства дела. Если оно нам не все известно, если есть обстоятельства, от нас скрытые, то судить не следует⁶. Таким толкованием Анастасий оправдывает одновременно и государственный суд, и суждение людей друг о друге.

Более же всего представляют интерес мысли Анастасия, относящиеся к политической философии. Он решительно ставит вопрос, который издавна привлекал к себе многих христианских мыслителей, но в Византии, как кажется, никем до него не был еще выдвинут, по крайней мере — так определенно. "Всякая ли власть поставлена от Бога", спрашивает Анастасий, причем любопытно, что он понимает здесь не только светскую власть, но и духовную: ἅρα λοιπὸν πᾶν ἄρχων βασιλεὺς καὶ ἐπίσκοπος ὑπὸ Θεοῦ προχερίζεται. Для разрешения этого вопроса в отношении светской власти он ссылается на Второзаконие⁷, иными словами — признает всякую власть от Бога — с тем только отличием, что дурные цари поставляются от Бога в наказание за грехи народа. Чрезвычайно любопытно видеть, что для Анастасия это — не какие-нибудь отвлеченные категории, а совершенно реальные, жизненные понятия.

Установив общий принцип, он сейчас же прилагает его к византийской истории, причем берет пример из недалекого прошлого. А именно, он говорит об узурпаторе Фоке, занимавшем византийский престол с 602 по 610 г., то есть в детство Анастасия. Он прямо называет его тираном и описывает его царствование самыми мрачными красками. Но поставленный вопрос он решает не так, как некоторые из католических направлений, утверждающие, что от Бога только праведный царь, а неправедный — от дьявола. Анастасий рассказывает о некоем благочестивом монахе, жившем во времена Фоки, который обратился с вопросом к Богу, почему он поставил такого злого царя, и получил ответ: "Потому что не нашел хуже"⁸. Таким образом, решение, предлагаемое Анастасием, вовсе не отличается радикальным характером. Но надо все же признать, что сама постановка подобного вопроса показывает некоторую смелость мысли, так как вполне ортодоксальным считалось, конечно, в Византии учение, согласное с известным текстом из послания апостола Павла. Такую же форму и такой смысл имеет у него учение о поставлении злых епископов⁹.

В связи с этим Анастасий подымает вопрос о молитве за нечестивого царя

⁶ Вопрос 70. Col. 695.

⁷ Вопрос 16. Col. 476.

⁸ Там же.

⁹ Col. 477.

и решает его в утвердительном смысле, основываясь на учения апостола о молитии за всякое начальство¹⁰.

Этим не ограничивается отношение Анастасия к вопросам политики. Он затрагивает также область международных столкновений. Вопрос, который его интересует, есть вопрос о том, существует ли какая-нибудь правда в этих отношениях, или, как формулирует его Анастасий, все ли зло, которое нам делают другие народы, всякое угнетение и все насилие можно объяснить велением Божиим и, следовательно, можно оправдать? И этот вопрос он решает утвердительно: Бог часто предаёт нас врагам не для того, чтобы нас погубить, а только для наказания за грехи¹¹. Прямого вывода в смысле ли отрицания международного права или в каком-нибудь другом смысле мы у Анастасия не находим.

Из вопросов, относящихся к другим областям, которых касается Анастасий, любопытно обратить внимание еще на вопрос, могущий интересовать теоретиков государственного права. В чем различие, спрашивает Анастасий, между *законом и повелением*¹². Почему он этот вопрос выдвинул, что привело его к нему — читателю неясно. А разрешает он его чрезвычайно просто: закон имеет общее применение (ὁ καθόλου), а повеление относится к частному случаю (κατὰ μέρος). Любопытно было бы выяснить, в каком отношении находится мысль Анастасия к соответственным определениям действовавшего в его время законодательства, и чем вызвана постановка этого вопроса. Пока следует отметить, что такую же формулировку можно найти в теориях более позднего времени.

¹⁰ Col. 763-764: ὅτι γὰρ ἔγραψεν ὁ Ἀπόστολος προσεύχεσθαι ὑπὲρ βασιλέων καὶ πάντων τῶν ἐν ὑπερροχῇ ὄντων... Подобным же образом здесь решается вопрос, можно ли молиться за царей, если они иудеи, или неверные, или еретики.

¹¹ Col. 483-500.

¹² τίς ἡ διαφορά τοῦ νόμου καὶ ἐντολῆς; Coll. 609-612.